

ЮКИО МИСИМА

ФОНТАНЫ
ПОД ДОЖДЕМ

Мисима — необычайный талант,
и не просто японский талант,
но талант мирового уровня.
Такие гении рождаются
раз в триста лет.

ЯСУНАРИ КАВАБАТА

18+

Юкио Мисима
Фонтаны под дождем
Серия «Большой роман (Аттикус)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70091002

*Фонтаны под дождем: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2023
ISBN 978-5-389-24691-1*

Аннотация

Молодой человек впервые в жизни бросает девушку и в этой необычайной для него ситуации хочет сполна насладиться своей властью. Другой молодой человек в студенческом спортивном клубе рассчитывает добиться наивысшего мастерства в искусстве владения мечом. Иисус Христос является юному пастушку, и тот ведет детей в крестовый поход. Застенчивая экономка годами безмолвно поклоняется университетскому профессору и поэту, и однажды он приглашает ее с собой в паломничество по буддийским храмам, где ей открывается тайна его неизбывной печали...

Юкио Мисима (1925–1970) – звезда литературы XX века, самый читаемый в мире японский автор, обладатель блистательного таланта, прославившийся как своими работами широчайшего диапазона и разнообразия жанров (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и ошеломительной биографией (одержимость бодибилдингом, крайне правые политические взгляды, харакири

после неудачной попытки монархического переворота). Сборник его рассказов «Фонтаны под дождем» – истории, написанные бесконечно пронизательным и безжалостным наблюдателем, мозаика, которая складывается из повседневных и темных человеческих страстей – стремления к власти, самовлюбленности, мачизма, уязвимости и страха перед самопознанием.

Почти все рассказы в этом сборнике публикуются на русском впервые.

Содержание

Фонтаны под дождем	6
Булка с изюмом	19
1	19
2	23
3	30
4	35
Меч	47
1	47
2	58
3	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юкио Мисима

Фонтаны под дождем

Yukio Mishima

MIKUMANO MŌDE

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1965

KEN

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1963

AME NO NAKA NO FUNSUI

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1963

TABAKO

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1946

JUNKYO

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1948

BUDŌ PAN

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1963

© Е. М. Байбикова, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2023

Издательство Иностранка®

Фонтаны под дождем

Юноша тащил за собой, как тяжелый мешок с песком, льющую беззвучные слезы девушку и уже устал идти под дождем.

Незадолго до того, сидя в кафе в здании Маруноути, он сообщил девушке, что расстанется с ней.

Он бросил женщину. Впервые в жизни!

Все произошло совсем как в ночных грезах, что посещали его уже довольно давно и наконец стали явью.

Только ради этого юноша полюбил девушку или притворился, что полюбил, только ради этого не жалел сил на увещевания, только ради этого ухватился за первую же возможность переспать с нею и переспал... И вот когда завершил все необходимые приготовления, он сумел – как давно мечтал, а иначе было невозможно – сам, уверенным тоном повелителя, диктующего свою волю, произнести: «Нам пора расстаться».

О, эти слова – от мощи, заключенной в их звучании, могут обрушиться небеса. Эти слова – о них он грезил так страстно, не в силах до конца поверить, что когда-нибудь в действительности их произнесет. Эти героически ослепительные слова поражают цель молниеносно, подобно выпущенной из лука стреле. Они – заклинание, и произносить его позволено лишь самым мужественным среди мужчин, са-

мым человеческим среди людей: «Нам пора расстаться!»

Но Акио, подобно астматику, выхаркивающему забившую гортань мокроту, выплюнул эти слова вперемешку с невнятными хрипами и бульканьем (содовая, которую он заблаговременно выпил, чтобы смочить горло, не помогла) и теперь мучительно сокрушался по этому поводу.

Когда говорил, больше всего боялся, что его слова не будут услышаны. А что, если она переспросит, потребует повторить... нет уж, лучше ему умереть на месте.

И разве гусыня, которая наконец-то снесла золотое яйцо – но оно разбилось вдребезги еще до того, как его успели увидеть, – сумеет тут же снести еще одно?

К счастью, девушка услышала. Услышала ровно то, что он сказал, и не переспросила. Да, ему повезло – собственными силами он покорил желанную столь давно и столь страстно вершину.

Доказательство, что его слова достигли цели, он получил почти в ту же секунду, словно упаковку жевательной резинки из автомата, в который опустил монету.

Из-за дождя окна были закрыты, и потому звуки вокруг – голоса людей, звяканье тарелок, звон кассового аппарата, – сталкиваясь друг с другом, резали слух и, дополненные едва уловимым отраженным шорохом капель, стекающих изнутри по запотевшему стеклу, порождали утомительный шум.

Как только невнятные слова, произнесенные Акио, достигли ушей Масако, ее резко выделяющиеся на невырази-

тельном худом лице огромные глаза распахнулись еще шире. В этих глазах читалось крушение всех надежд, окончательное и бесповоротное. И вдруг – в одно мгновение – потоком хлынули слезы.

Масако не издавала звуков – не всхлипывала, не рыдала. Слезы текли, прекрасные, как две реки, из ее глаз, но лицо оставалось безучастным.

Разумеется, Акио предположил, что столь стремительный поток должен рано или поздно иссякнуть. Его зачаровала ментоловая прохлада, которую он чувствовал в сердце, наблюдая за этой картиной. Именно об этом он мечтал, этого добивался и наконец воплотил в жизнь. И хотя он ощущал некую механистичность происходящего, тем не менее результат был великолепен.

«Только ради этого я держал ее в объятиях, – снова подумал он, убеждая себя. – Я свободен – страсть и желание не властны надо мной».

Сидящая рядом девушка, ее заплаканное лицо – все это происходит с ним на самом деле! Брошенная. И бросил ее не кто-нибудь, но он, Акио.

Между тем слезы Масако текли и текли, и никаких признаков, что этот поток когда-нибудь иссякнет, не было. Юноша заволновался – что подумают окружающие?

Масако в своем светлом плаще сидела на стуле, выпрямив спину. В распахнутом вороте плаща виднелся красный во-

ротничок блузки. Опираясь руками на край стола (со стороны казалось, что она с силой вдавливают их в столешницу), она застыла в напряженной позе.

Масако смотрела прямо перед собой, даже не пытаясь утереть слезы, просто предоставила им литься. Вырываясь из узкого горла, ее дыхание выходило наружу с легким звуком, напоминающим скрип новых ботинок. Губы, которые с присущим студенткам упрямством она отказывалась красить, скривились и мелко подрагивали.

Взрослые посетители кафе с любопытством смотрели в их сторону, и Акио чувствовал, что эти взгляды мешают ему насладиться первым в жизни долгожданным ощущением зрелости.

Слезы Масако были поистине восхитительны. Они все так же струились, и их количество несколько не уменьшалось. Акио утомился смотреть, как она плачет, и уставился на кончик своего зонта, прислоненного к стулу. Стекавшие с зонта капли образовали лужицу на старом, с кафельной мозаикой полу. Акио показалось, будто эта лужица тоже из слез Масако.

Он схватил счет и резко поднялся со стула.

Июньские ливни не прекращались уже три дня. Юноша вышел из здания и раскрыл зонт, девушка тихо следовала за ним. Зонта у нее не оказалось, поэтому юноше пришлось пустить ее под свой. Он подумал: «Совсем как престарелые супруги, которые ради благопристойности делают вид, что все

еще любят друг друга, хотя на самом деле уже давным-давно ничего не чувствуют». Ведь и он пустил под свой зонт девушку, которую только что бросил, лишь потому, что хотел выглядеть благопристойно. Для него это было очевидно... Впрочем, не только это, но и все остальное – зачастую неявное – казалось ему очевидным. Такой уж у него склад ума.

Пока они шли по широкому тротуару в сторону Императорского дворца, он озабоченно размышлял, как бы избавиться от этого ходячего вместилища слез.

«Интересно, – вдруг подумалось ему, – а работают ли фонтаны в те дни, когда идет дождь?» При чем здесь фонтаны? Почему ему вдруг пришла в голову эта мысль? Через несколько шагов он вдруг осознал, что в самом ходе его мысли заложен некий физического свойства юмор.

Мокрый плащ спутницы, прикосновения к которому были неизбежны в тесном пространстве под зонтом, напоминали ему холодную чешуйчатую кожу рептилии, но он старался не обращать на это внимания, заставляя себя развить и привести к логическому завершению осенившую его забавную мысль.

«Точно! Фонтаны под дождем». Надо противопоставить одно другому – слезы Масако и фонтан. Масако наверняка проиграет – против фонтана даже ей не устоять. Во-первых, у фонтана замкнутый цикл – вода в нем ходит по кругу, а у Масако слезы все-таки должны в какой-то момент закончиться. Люди не могут тягаться с фонтанами, девушке в кон-

це концов придется сдаться и перестать плакать. И тогда он сможет окончательно от нее избавиться. Оставалось выяснить, работают ли фонтаны в дождливый день.

Акио шел молча. Масако лила слезы, но упорно шла вместе с ним под одним зонтом. От нее было непросто отделаться, зато легко затащить туда, куда он задумал пойти.

Юноше казалось, что от дождя и слез намокло все его тело. Масако в своих белых сапожках могла не обращать внимания на дождь, но он был в туфлях, мокрые носки прилипли к ногам, как мясистые влажные водоросли.

Конец рабочего дня, когда служащие покидают офисы, еще не наступил. Улица была безлюдна. Они перешли через дорогу по пешеходному переходу и направились к мосту Вадакура¹. На мосту они остановились около старинных деревянных перил, через равные промежутки украшенных заостренными шишечками. Слева плавали под дождем белые лебеди, справа, на противоположной стороне рва, маячили сквозь замутненное водой стекло белые скатерти и красные стулья пригостиничного ресторана. Они пересекли мост, миновали высокий крепостной вал, повернули налево и очутились в парке фонтанов.

Масако все еще беззвучно плакала. В глубине парка сто-

---

¹ *Мост Вадакура* находится в районе Маруноути, он перекинут через крепостной ров и ведет в парк фонтанов Вадакура. – *Примеч. перев.; далее примеч. ред., кроме отмеченных особо.*

яла большая беседка в западном стиле, тростниковая крыша отчасти защищала скамейки от дождя. Акио, так и держа раскрытый зонт над головой, сел на скамейку. Масако села рядом. Он видел ее плечо, обтянутое белой тканью плаща, ее намокшие под дождем волосы. На смазанных маслом прядях, словно прекрасные светлые росинки, блестели капли дождя. Она все так же плакала, широко открыв глаза. Акио подумал: «Может быть, она впала в кому?» Он едва подавил желание дернуть ее за волосы.

Масако по-прежнему безмолвно лила слезы; казалось, теперь так будет всегда. Наверняка она ждала, чтобы он что-нибудь сказал. Но раздосадованный Акио ничего не говорил. Внезапно он понял, что не сказал ни слова с тех пор, как произнес свою коронную фразу.

Неподалеку фонтаны извергали в небо водяные струи, но Масако ни разу не посмотрела туда. Фонтаны были видны сбоку, один большой и два маленьких – они выстроились в ряд друг за другом, их шум почти сливался с шумом дождя, брызги на расстоянии тоже было не различить, и оттого бьющие в разных направлениях струи казались изогнутыми стеклянными трубками.

Кроме них двоих, вокруг не было ни души. Газон с этой стороны фонтанов и невысокая оградка из кустов энкиантуса² ярко зеленели, омытые дождем. По ту сторону фонта-

---

² *Энкиантус* – растение из семейства верескоцветных, среди садоводов ценится за огромное количество цветов – миниатюрных колокольчиков, собранных в

нов, где кончался сад, двигались бесконечным потоком мокрые брезентовые крыши грузовиков и красные, белые, желтые крыши автобусов. Красный сигнал светофора на перекрестке был виден хорошо, но, сменяясь на зеленый, он перемещался вниз и исчезал, скрываясь в облачке неразличимых фонтанных брызг.

Юноша устал сидеть молча, понемногу в нем росло необъяснимое раздражение. Собственная шутка утратила для него привлекательность.

Он и сам не мог сказать, что его так раздражает. Еще несколько мгновений назад он упивался полетом собственной фантазии, но теперь на душе вдруг сделалось гадко. И не только оттого, что он не знал, как унять плачущую Масако.

«Если б дело было только в ней, я мог бы просто столкнуть ее в фонтан и сбежать». Он снова приободрился. Да, во всем виноват этот дождь, и эти слезы, и это тоскливое, как стена, небо. Оно давит своей тяжестью, превращая его свободу в подобие отсыревшей половой тряпки.

Юноша разозлился, в нем проснулась жестокость. Он не успокоится, пока Масако не вымокнет под дождем до нитки. Он заставит ее посмотреть на эти фонтаны!

Он вскочил со скамейки и побежал, не оглядываясь. Он бежал по посыпанной гравием дорожке, огибавшей фонтаны чуть выше – на пару ступенек – асфальтовой прогулочной, и

верхушечные зонтики или кисти, осенью разнообразных оттенков, от желтого до насыщенного красного.

остановился, лишь когда достиг места, откуда хорошо видел все три фонтана.

Девушка бежала за ним под дождем вслед. Она едва не налетела на Акио, но в последнее мгновение успела остановиться и вцепилась в зонт, который он держал в руке. Ее мокрое от слез и дождя лицо было мертвенно-бледным. Она спросила дрожащим, срывающимся голосом:

– Ты куда?

Акио не должен был отвечать, но слова полились сами, как будто он только и ждал вопроса Масако.

– Я смотрю на фонтаны. И ты смотри! Видишь? Сколько бы ты ни плакала, все равно даже в подметки им не годишься.

Теперь, наклонив зонт, успокоившись и словно осознав, что вовсе не обязательно смотреть друг на друга, они глядели на фонтаны – центральный вздымал вверх гигантские струи, два фонтана поменьше, точно свита главного божества, стояли по бокам от него.

На фоне работающих фонтанов Акио не видел потоки дождя. Единственным звуком, доносившимся сюда время от времени, было далекое урчание машин на автостраде; плеск и журчание фонтана настолько растворились в воздухе, что, если специально не вслушиваться, казалось, что вокруг стоит полная тишина.

Сначала поверхность воды в черной гранитной чаше начинала дрожать, потом, прорывая водную гладь, в воздух

взлетали маленькие струйки, отчего вода переливалась через край.

И вот, окруженный, словно личной охраной, шестью бьющими со всех сторон изогнутыми струями, вздымался из центра чаши большой водяной столп.

Если приглядеться, становилось заметно, что величина его непостоянна. Ветер почти не дул, и вертикальная струя беспрепятственно взлетала к серому дождливому небу, высота ее всякий раз менялась. Время от времени она с шумом уносилась в головокружительную высь и, разбившись на капли, устремлялась вниз. Сквозь толщу воды у самой верхушки столпа просвечивали дождевые облака, отчего струя приобретала мышино-серый оттенок с легкой белесой примесью и выглядела не водой даже, а странной разновидностью порошка. Наверху столп окутывала дымка, сотканная из водяной пыли, он лохматился бахромой танцующей белой пены, похожей на смешанный с дождем снег.

Акио перевел восхищенный взгляд с центрального водяного столпа на изогнутые арками струи, бьющие по краям чаши большого фонтана.

Встряхивая пышной водяной гривой, струи с легкостью перемахивали через черный гранитный барьер и бесстрашно падали вниз, чтобы разбиться о поверхность пруда. Наблюдая за этим непрерывным, направленным на четыре стороны света движением, Акио будто бы утратил интерес ко всему остальному. Незаметно для юноши его сердце, зачарован-

ное этим неистовым бегом, устремилось вслед за струями в дальние края.

Он смотрел на центральный водяной столп.

На первый взгляд столп этот казался искусно выполненным неподвижным изваянием из воды. Но, присмотревшись, можно было заметить внутри скульптуры движение, сонм прозрачных призраков, снующих вверх-вниз. С ошеломительной скоростью они взлетали до самого верха, заполняли все внутреннее пространство водяного цилиндра; ежесекундно и без усталости восполняли утерянное мгновение назад, поддерживая постоянное совершенство формы. Разумеется, взобравшись к небу, на самый верх, они неизбежно рухнут вниз, но та неослабевающая сила, что щедро питала этот будущий крах, была воистину великолепна.

Юноша смотрел и смотрел на фонтаны, которые хотел показать девушке – для того он и привел ее сюда; смотрел и думал, как же это на самом деле красиво. Взгляд его поднимался все выше вслед за струями, пока не уперся в извергающее дождь небо.

Капли дождя упали ему на ресницы.

Плотно обложенное облаками небо повисло прямо над головой, дождь лил не переставая. Все вокруг было наполнено им. Дождь, падавший юноше на лицо, был точно таким же, как тот, что проливался сейчас на здание из красного кирпича вдали и на крышу гостиницы. Выходило, что безбородое, с гладкой кожей лицо Акио, подобно любой безлюдной

крыше или любой бетонной площадке, – просто еще одна поверхность, безропотно принимающая потоки дождевой воды. Для дождя нет никакой разницы – падать на юношескую щеку или на грязный бетон.

В ту же секунду образ бьющих у него перед глазами фонтанов поблек в сознании. Теперь фонтаны под дождем казались ему всего лишь повторяющимся, бессмысленным и скучным действием.

Акио позабыл о своей недавней шутке и о последующем раздражении – он лишь ощущал, как стремительно пустеет его сознание.

И в опустевшем сознании остается один только дождь.

Он бесцельно зашагал куда-то.

– Ты куда? – На этот раз Масако крепко держалась за ручку зонта, ее белые сапожки двигались в такт его шагам.

– Это мое дело, куда я иду. Я же тебе, кажется, все понятно объяснил.

– Что объяснил?

Услышав это, он с ужасом взглянул ей в лицо, но дождь уже смыл с влажных девичьих щек дорожки слез; покрасневшие глаза еще помнили о пролитых слезах, однако голос ее больше не дрожал и не прерывался.

– Что значит – «что объяснил»? Я же в кафе ясно тебе сказал: «Нам пора расстаться».

И тут краем глаза он заметил на лужайке, почти целиком скрытой от него плывущим на фоне дождя профилем Маса-

ко, редкие кусты рододендронов с ярко-красными цветами.

– Да? Ты так сказал? Извини, значит, я не расслышала, – как ни в чем не бывало произнесла она.

Это настолько потрясло Акио, что он едва устоял на ногах. Но через два-три шага все же нашелся и, запинаясь, спросил:

– Но... но почему же тогда... почему ты плакала? Странно как-то.

Она ответила не сразу. Ее мокрая ладонь крепко сжимала ручку зонта.

– Просто слезы взяли и полились сами. Без особой причины.

Разъяренный, он хотел закричать на нее, но вместо этого вдруг оглушительно чихнул.

«Так я еще, чего доброго, заболею», – подумал он.

Булка с изюмом

1

Августовской ночью, в половине двенадцатого, неподалеку от гостиницы «Югихама» Джек сошел с шоссе и, оставив за спиной белозубое скрежетание прибоя, направился вверх по широкой песчаной дороге на дне небольшого ущелья.

Ему все-таки удалось добраться сюда на попутках. Правда, в итоге он опоздал на станцию, где должен был встретиться с Питером, Хайминарой и Кико, к тому же водитель грузовика высадил его не в том месте. Нет, дорогу-то он, конечно, найдет, просто идти придется гораздо дольше, потому что крюк получился порядочный.

Он был уверен, что Питер и компания не стали дожидаться его на станции; по идее, они должны были сразу отправиться на место сбора.

Джек, молодой человек двадцати двух лет, был средоточием некой прозрачной кристаллической субстанции. Его часто посещала мысль, что неплохо бы стать полностью проницаемым. Он прилично владел английским и подрабатывал переводами научной фантастики; какое-то время назад пытался покончить собой, был художав. Его красивое лицо казалось выточенным из слоновой кости – по такому сколь-

ко ни бей, оно неизменно остается невозмутимым, поэтому Джека никто никогда не бил по лицу.

«Если разбежаться хорошенько и налететь на него, – сказал как-то про Джека один из завсегдатаев „Modern Jazz“³, – сам не заметишь, как проскочишь насквозь и окажешься с той стороны».

По бокам от дороги высились каменные стены. На небе почти не было звезд. Чем выше он поднимался, тем тише становилось вокруг, и в какой-то момент плотная тишина окончательно поглотила далекие звуки, доносившиеся со стороны моря и платной автострады: урчание машин и плеск волн. Песок скользил по коже полубосых, обутых в резиновые шлепанцы ног.

«Темнота крепко завязана, – подумал Джек, – как большой мешок, вместивший множество маленьких мешочков. А крошечные, едва заметные отверстия – прорешки – это звезды, и никаких других лазеек для света нет».

Он шел, погружаясь в темноту, постепенно наполняясь ею. Звук собственных шагов казался ему бесконечно далеким. Его существование – ничто, лишь легкое сотрясение воздуха. Его существо сжалось настолько, что для продвижения вперед ему уже не требовалось перепахивать это поле темноты – он ловко проскальзывал между частицами, из которых она состояла.

Освободиться от материальности, стать полностью про-

---

³ «Современный джаз» (англ.).

нищаемым – Джеку не требовались бесполезные для этого мышцы и жир, для этого ему нужны лишь безрассудное сердце и похожая на тающую во рту конфету идея «ангельского существования».

Очевидно, барбитураты уже подействовали – перед выходом из дома он принял пять таблеток, растворив их в стакане с пивом.

Дорога, поднявшись по расселине, вывела его на широкое плато, на другой стороне которого он увидел две машины, похожие отсюда на пару тувель, небрежно скинутых на песок.

Джек побежал. «Я бегу... бегу», – подумал он с отвращением, удивляясь сам себе.

Через плато к дальнему краю шла тропа, но там, на краю, все обрывалось, заканчиваясь глубокой впадиной, на дне которой стояла еще более густая темнота. Вдруг Джек увидел гладкие языки пламени и восходящее от них сияние. Как наводнение начинается с маленькой брешки в дамбе, распад тьмы, сопровождаемый шумом голосов, начинался с этого светлого пятна.

Продравшись сквозь сухую низкую поросль, Джек окончательно потерял тропу и, поскользываясь, начал спускаться по песчаному склону на дно впадины. Он чувствовал себя мухой, сползающей в сахарницу.

Шум приблизился, однако, когда спустя мгновение он забрал немного вбок, рельеф местности изменился и огонь

исчез из поля зрения. Джек слышал голоса совсем близко, но говорящих не видел. Под ногами попадалось все больше камней. Словно в дурном сне, они то вырастали, преграждая ему путь, то снова уменьшались до размера песчинок.

Выбравшись на открытое место, Джек сначала увидел гигантские тени, мечущиеся по склону холма на краю впадины, потом перевел взгляд на костер. Тут языки огня почему-то опали, освещенными остались только ноги, беспорядочнодвигающиеся по камням и песку; лица, отъятые темнотой от тел, маячили в полумраке тусклыми пятнами.

Из общего шума он отчетливо вычленил визгливый смех Кико:

– Да перестань! У нас в семье восемь человек, но я-то ушла из семьи. Я дитя бабочек и цветов, блох и вшей!

В этот момент Джек наткнулся на что-то темнее окружающей темноты. Чтоб не упасть, он инстинктивно оперся рукой на эту темную массу и извинился. Рука коснулась неожиданно холодного и гладкого, как хорошо замешенная черная глина, потного плеча.

– Never mind!⁴ – произнес чернокожий Гарри и, настраивая зажатую между ног конгу⁵, выдал серию drobных ударов, которые рассыпались по всему плато и вернулись эхом, отраженным от подступивших с четырех сторон света холмов.

---

⁴ Ничего страшного (*англ.*).

⁵ *Конга*, или тумбадора, – высокий и узкий кубинский барабан, формой похожий на бочку.

2

Тусовщики из «Modern Jazz» давно носились с этой идеей – устроить проводы лета, этакую экстравагантную *пати* на лоне природы, где-нибудь неподалеку от моря. Так, чтобы танцевать твист на песке и непременно зажарить целиком свинью. Еще обязательным пунктом программы значился ритуал вроде первобытных танцев каких угодно, вообще не важно каких, аборигенов. Разделившись на группы, они с воодушевлением принялись подыскивать подходящее для их затеи место. В конце концов выбор пал на это необитаемое плато. Часть народу снарядили в глубинку за свиньей, но так как с деньгами дело у них обстояло туго, вместо целой свиной туши доставили только половину.

Кто бы мог подумать, что здесь, буквально в двух шагах от вульгарных пляжей, где не протолкнуться от унылых буржуа, есть этот нетронутый заповедный уголок? Недаром, несмотря ни на что, они грезили наяву о таком месте, где их потерянные джинсы приобрели бы сияющее величие атласной ткани.

Итак, место: его надо было выбрать, очистить, освятить.

Неоновые вывески, грязные и рваные киноафиши, выхлопные трубы и автомобильные фары давно уже заменили городской молодежи мягкий свет деревенского пейзажа, лесной мох, запах полей, домашних животных, луговые цветы.

Немудрено, что в этой полоске песчаной земли им виделся роскошный узорчатый ковер, а то, что зовется «звездным небом», в абсолюте должно походить по меньшей мере на ювелирный шедевр.

Чтобы излечить мир от глупости, прежде всего нужно очиститься через глупость. Все свои силы они должны направить на превозношение того, что считается глупым среди буржуа. Пусть даже им придется копировать для этого ненавистные мещанские принципы и коммивояжерскую недалекую упертость.

Такова была основная концепция этого экстравагантного мероприятия, ради которого тридцать, а то и сорок человек собрались здесь в самый разгар ночи. В их расписании это время было рабочим, драгоценным, дневным.

Костер, совсем было погасший, задымил и снова запылал. Джек знал, что это из-за свиного жира. Свиную тушу уже насадили на вертел и жарили над костром; время от времени кто-то поливал ее дешевым красным вином. Лица его было не разглядеть, только руки мелькали в дрожащем свете огня, делая свое дело.

Конга чернокожего Гарри продолжала отбивать ритм, несколько фигур твистовали на усыпанном камнями песке. Им приходилось тщательно выбирать, куда ставить ноги, и танец по большей части превращался в неспешное покачивание коленями и бедрами.

Там, где начинался крутой склон одного из холмов, стоя-

ли ящики с пивом и апельсиновым соком. Среди камней валялось несколько пустых бутылок, притягивая стеклом тусклое сияние ночи.

Глаза Джека вроде бы уже должны были привыкнуть к темноте, но он все еще никого не узнавал. Низко стелющееся пламя костра скорее мешало, чем помогало. То тут, то там, обжигая край поля зрения, вспыхивали огоньки зажигалок и спичек, окончательно сбивая Джека с толку.

С голосами дело обстояло не лучше. Громкий смех и возбужденные крики тонули в окружающей темноте и, пропитанные ею, менялись до неузнаваемости. Нескончаемый дробный бой конги терзал тело ночи. Этот звук перемежался с пронзительными возгласами Гарри, обнажающими розовое зияние его ротовой полости.

Джек различал только голос Кико. Двинувшись туда, откуда этот голос доносился, он нащупал в темноте хрупкую, тонкую, как фитиль лампы, руку.

– Ты все-таки приехал, – сказала Кико. – Ты один?

– Ага.

– Мы ждали на станции. Но решили, что ты передумал, и ушли без тебя. Это невероятно, что ты все-таки добрался сюда.

Она поджала губы в темноте. Он уловил это движение, начавшееся от щек, увидел мерцающие белки глаз и поприветствовал Кико обычным манером – прижал губы к ее губам и потерялся о них немного, прежде чем оторваться. Ощущение

было такое, будто он поцеловал изнанку коры бамбука.

– Где все?

– Хайминара и Питер вон там. Гоги тоже с ними. Его телка не приехала, и, кажется, он здорово обломался. Его лучше не трогать.

Он уже привык к своей кличке, привык, что все называют его Джек, но кто бы объяснил ему, откуда взялось это «Гоги» и что оно означает.

Кико, лавируя между танцующими, за руку провела его туда, где у большого обломка скалы расположилась их компания.

– Джек тут.

Хайминара вместо приветствия медленно, будто во сне, поднял над головой руку. Несмотря на отсутствие солнца, он, как обычно, был в темных очках.

Питер демонстративно зажег зажигалку и поводит ею из стороны в сторону перед лицом. По краю его век, постепенно загибаясь вверх, шли голубые полосы, а наружные уголки глаз были присыпаны мерцающими в свете костра серебряными блестками.

– Что у тебя с лицом?!

– Немного позже Питер покажет нам шоу, – ответила Кико.

Гоги, голый по пояс, сидел с недовольным видом, привалившись к дереву. Но, заметив Джека, выполз из темноты и уселся, скрестив ноги, на островке песка посреди чахлой

поросли.

– Здорово! – сказал он, обдав Джека пивными парами.

Джек не любил Гоги, но тот зачем-то постоянно выказывал ему дружеское расположение и даже как-то раз завалился в гости с одной из своих телок.

Гоги ходил в качалку и всячески заботился о своем теле. У него была чрезмерно развитая мускулатура, и от малейшего движения любой из конечностей по всему телу – по цепочкам сухожилий – пробегала мгновенная, как молния, дрожь. В том, что касалось человеческой глупости и бессмысленности человеческого существования, Гоги в целом разделял взгляды их компании. Но это не мешало ему посвящать долгие часы наращиванию мышц, которые, словно щит, заслоняли его от штормового ветра безысходности. В результате Гоги впал в ментальную спячку, с головой уйдя в темный омут слепой силы, олицетворением которой, по сути, и являлась вся эта мышечная масса.

Больше всего Джека раздражала та непрозрачность, которой обладал объект по имени Гоги. Каждый раз, когда этот объект оказывался у него перед глазами, он заслонял картину мира своим потным лоснящимся телом, замутняя кристалл, который Джек с такой старательностью пытался содержать в безупречной чистоте. Этот парень постоянно выставлял свою силу напоказ, что было просто невыносимо. Назойливый запах его подмышек; растущие по всему телу волосы, неоправданно громкий голос – даже здесь, в темноте, Гоги

сразу бросался в глаза, как несвежее нижнее белье.

Прилив отвращения по какой-то причине расстроил Джека; не сдержавшись, он произнес то, чего ни за что не сказал бы в обычном состоянии:

– Точно в такую же, неотличимую от этой ночь я и покончил собой. Пытался покончить. Примерно в это же время в позапрошлом году. Если бы у меня получилось, вы бы сейчас отмечали вторую годовщину моей смерти. Я серьезно.

– Во время кремации, Джек, ты бы просто растаял на глазах, как кусочек льда, – послышался насмешливый голос Хайминары.

В любом случае Джек уже давно поправился. Он ошибался тогда, думая, что, если убьет себя, вместе с ним погибнет и этот отвратительный буржуазный мирок. Он потерял сознание, а очнувшись в больнице, обнаружил, что ничего не изменилось и вокруг все та же мелкобуржуазная реальность. И раз уж мир, как выяснилось, безнадежен, Джеку ничего не оставалось, кроме как пойти на поправку.

Через некоторое время Питер встал и, взяв Джека за руку, подвел его к костру.

– Ты знаком с телочкой Гоги? – спросил он.

– Нет.

– Гоги говорит, она охрентельно красивая. Я, правда, сам не видел. Но шанс у нас есть. Она может к утру приехать, если, конечно, не решила продинамить беднягу окончательно.

– Так, может, она уже здесь. В этой темноте ни одной ро-

жи толком не разглядишь. Типа она до утра подождет, а как солнце встанет – опаньки, здравствуй, Гоги, я тут. Эффект будет сногшибательный.

Подул легкий ветерок, и на них повалил воняющий горелым жиром дым. Они резко отвернулись от костра.

Джек отправился на поиски пива. На своем коротком пути он несколько раз наткнулся на камни, сумки и живые мягкие препятствия. На одну парочку он чуть не наступил, но их застывшие в поцелуе переплетенные тела, смахивающие на большой тук, даже не шелохнулись.

Интересно, где сейчас девушка Гоги? Может быть, вон в той развеселой компании полупьяных людей, которых Джек раньше никогда не видел? Или прячется в затопленных темнотой кустах? Или за одним из этих окутанных дымом деревьев? Если коснуться песчаного склона рукой и подождать, пока осыплется темный ночной песок, вполне вероятно, она окажется там, под песком. Хотя, если она такая уж «охрентельно красивая», то, по идее, должна светиться в темноте. Лить мягкий свет своего прекрасного лица на эту темную впадину, в это ветреное звездное небо.

– Начинаем ритуал, начинаем! Сначала танец, потом жареная свинина. Есть возражения? Давайте-ка, подбросьте дров! – пророкотал загруженный барбитуратами Хайминара, растягивая слова. Он стоял близко к огню, и в стеклах его темных очков плясали два миниатюрных костра.

Конга замолчала – Гарри настраивал ее, подтягивая мембрану при свете свечи. На какое-то мгновение все люди тоже смолкли. Только огоньки сигарет, как светлячки, то разгора-

лись, то затухали во мраке.

Добыв наконец-то пиво, Джек попросил оказавшегося рядом белозубого незнакомца открыть ему бутылку, что тот незамедлительно и сделал, мастерски скovyрнув пробку своими прекрасными зубами. Белая пена выплеснулась на рубашку, и незнакомец торжествующе улыбнулся, снова явив присутствующим ряд сверкающих белых зубов.

И вот барабан Гарри забил, все убыстряя и убыстряя темп. Пламя вспыхнуло с новой силой, едва Питер – в одних только плавках – заплясал вокруг костра. В свете огня тускло поблескивали присыпанные серебряной пудрой цветные узоры на его теле.

Джек не понимал Питера. К чему этот танец? Возможно, Питер выражает этим свое недовольство? Или, наоборот, танцует от счастья? А может быть, потому, что лучше так, чем самоубийство.

«Во что он верит, этот Питер?» – думал прозрачный Джек, наблюдая за поблескивающим в темноте телом, которое дергалось в причудливой пляске. Наверное, Питер врал ему, когда рассказывал о своей тайне. Врал, что каждую ночь физически чувствует, будто она наваливается на него тяжелым комом влажной ваты. Если одиночество стонет, как море, и устремляется безоглядно к сияющему роскошными огнями ночному городу... Каким образом, почему из этого рождается танец?

Джек верил, что именно в этой точке все и остановилось.

Или, по крайней мере, остановился сам Джек. И постепенно сделался абсолютно прозрачным.

«И все-таки, – думал он, – танец – это знак, вереница прерывистых сигналов, извлекаемых из глубины человеческих тел некой невидимой рукой. И теперь Питер посылает эти сигналы во тьму, разбрасывает вокруг, словно гигантскую колоду разноцветных карт». Джек не заметил, как его ноги начали отстукивать ритм.

Питер откинулся назад, и в свете огненных сполохов белок его подведенного глаза сверкнул, будто большая слеза ночи. Но вот появился новый персонаж в набедренной повязке из леопардовой шкуры – в одной руке он держал кривую саблю, а в другой белую, еще живую, трепыхающуюся курицу. Это был Гоги.

Его мускулистая потная грудь блестела в свете костра. Медный отлив кожи, который казался темнее стоявшей вокруг ночи, завораживал. Джек смотрел, не в силах отвести взгляд.

– Сейчас, сейчас он ее прикончит! – слышались крики.

Что Гоги хотел этим доказать? Его крепкая рука прижимала курицу к камню. Курица билась, роняя белые перья, и они, подхваченные потоком теплого воздуха от костра, молниеносно, как во сне, взмывали в вышину. О, этот головокружительный полет! Как хорошо Джек знал это невесомое воспарение чувств в минуту смертельной агонии.

Он не стал смотреть. Сабля с кляцаньем обрушилась на

камень, и вот уже голова курицы, отделенная от дергающегося тела, лежит в луже невидимой крови, окруженная неслышимыми теперь для нее криками толпы. Питер высоко поднял отсеченную птичью голову, потом повалился на землю и принялся кататься по песку. На этот раз Джек понял его порыв. Когда Питер поднялся на ноги, на его впалой, почти мальчишеской груди отчетливо виднелись кровавые разводы.

Разве могла эта курица предугадать, что ее ждет столь нелепая, комичная смерть? Изумление читалось в ее широко открытых, остекленевших глазах. Но Джек ничего этого не видел. Клоунада, шутовское причисление к лику святых, если угодно, случайная слава, снизошедшая на увенчанную красным гребешком голову, породила слабый, едва заметный багряный отзвук в его холодном, но отнюдь не жестоком сердце.

«Но я ничего не чувствую, – сказал он себе. – Не чувствую ничего».

Все еще сжимая белоперую голову в руке, Питер вновь пустился в пляс – он метался вихрем вокруг костра, все расширяя и расширяя круг, то вдруг подскакивал к какой-нибудь девушке из толпы зрителей и тыкал ей в лицо мертвой куриной головой.

Воздух сотрясали пронзительные крики. Ну почему все женщины кричат так однообразно, так похоже? Пока Джек пытался найти ответ на этот вопрос, раздался потрясающей

красоты и чистоты трагический вопль, который звенел в высоком звездном небе, пока не стих. Джек никогда не слышал ничего подобного. Он подумал, что этот вопль, должно быть, сорвался с уст той самой «охренительной красотки», которую так и не дождался Гоги.

Джек был компанейским парнем.

Поэтому он тусовался среди песка и колючек всю ночь, в полубредовом состоянии дотянул до утра, был жестоко покусан комарами, днем отправился с приятелями купаться в море и только после этого, окончательно обессилив, вернулся в свою токийскую квартиру и провалился в глубокий сон.

Проснувшись, он удивился тишине, которая затопила его маленькую квартиру. «Почему сегодня утром так темно?» – подумал он и взглянул на часы. Одиннадцать вечера. Этот день еще не закончился.

Джек спал с открытым окном, но ни единого дуновения не проникало в комнату. Тело пропиталось потом, как тряпка водой. Включив вентилятор, он взял с полки «Песни Мальдодора»⁶. Положил перед собой книгу, устроился поудобнее на кровати и погрузился в чтение.

Он перечитывал свой любимый отрывок о свадьбе Мальдодора с акулой.

«А что там за стая чудовищ? Их шестеро, и все проворно

---

⁶ «Песни Мальдодора» («Les Chants de Maldoror», 1869) – поэма в прозе, написанная французским поэтом, предтечей сюрреалистов и ситуационистов, Изидором Дюкассом (1846–1870), он же граф де Лотреамон. Главный герой – циничное демоническое существо, которое ненавидит человечество и Бога. В шести главах (песнях) показаны изощренные мучения, перемежающиеся сентиментальными пассажами об одиночестве и печали монстра-Мальдодора.

рассекают плавниками буруны»⁷.

Это шесть акул.

«Но вот новое завихрение появилось вдали. Что-то похожее на смерч несется прямо сюда».

Это гигантская акуля самка, которая в конце станет невестой Мальдорора.

Будильник у изголовья кровати, не обращая никакого внимания на стрекот вентилятора, вел методичный отсчет времени. Сколько сарказма в этом декоративном – в контексте повседневной жизни Джека – механизме. За все время Джек ни разу не воспользовался будильником по назначению. Бормочущий ручеек сознания тек в нем денно и ночью, и он привык сохранять нерушимой свою кристальную прозрачность внутри этого потока – упражнялся каждую ночь, и будильник в этом занятии стал ему верным другом и помощником, таким Санчо Пансой, придавая некую комичность повседневной рутине. Дешевое тиканье механизма служило Джеку замечательным утешением, оно превращало в фарс любую преемственность и непрерывность.

«Будильник, яичница собственного приготовления, проездной за позапрошлый год... И акула, без акулы никак!» – натужно подумал Джек.

Он живо вспомнил бессмысленную какой-то высшей бессмысленностью вчерашнюю вечеринку.

---

⁷ Здесь и далее цитаты из «Песен Мальдорора» приводятся в переводе Н. Мавлевич.

Куриная голова, горелая свинина... И самое безотрадное – рассвет. Они так надеялись, что рассвет будет одним из тех редких по своей красоте зрелищ, какие случаются раз в тысячелетие. Но их ожидало жестокое разочарование – не рассвет, а жалкие ошметки рассвета.

Вначале, когда первые бледные лучи озарили западную часть впадины, стало видно, что великолепные деревья, украшавшие их нетронутую обитель, на самом деле ничем не отличаются от миллионов невзрачных, истрепанных соленым ветром растений, распространенных на здешнем побережье. Но это еще не все. Чем глубже солнечный – белый, как отбеливатель, – свет проникал в их укрытие, тем отчетливей выявлял он убожество окружающей картины, каждую вопиющую деталь: пустые бутылки из-под пива, сока и кока-колы, разваленный дымящийся костер, уродливые огрызки кукурузных початков, раскиданные повсюду пакеты с мусором, разъявленные рты спящих вповалку на песке и в низкорослых кустах людей, жидкие усики одних и полустертую помаду других, рваные газеты (столь отвратительные здесь и столь поэтичные, когда ветерок гонит их по ночным улицам). Типичная картина разорения после типичного буржуазного выезда на природу.

Некоторые люди бесследно исчезли еще ночью. Пропал из виду и Гоги.

– Гоги нигде нет, – сказал тогда Питер. – Наверное, он слинял из-за своей телочки, которая так и не появилась. Для Го-

ги очень важно сохранять лицо, хотя по нему и не скажешь.

«К тому времени я уже достиг отроческого возраста, был чист, хорош собою и восхищал всех умом и добросердечием. Ясное лицо мое отражало свет непорочной души и приводило в смущение тех, у кого запятнана совесть. С благоговением взирали на меня люди, ибо моими глазами на них глядел ангел».

Ангелы, как их разумел себе Джек, были созвучны этому отрывку из «Песен Мальдорора». Тик-так, тик-так: часы хихикали у изголовья, Джек не знал, что сказать в ответ. Перед его мысленным взором предстал размытый образ – жареный ангел. Кажется, Джек проголодался.

Где-то на морском дне покоятся затонувшие суда, и среди них лежит корабль, трюмы которого наполнены не только богатствами всего мира, но и любовью, и множеством смыслов; Джек знает: придет время – и этот корабль поднимут со дна. Чаша стеклянных весов опускается в далеком небе. Три собаки трусят по песчаному пляжу, еле слышно учащенное дыхание. Перед тем как совершить самоубийство, Джек чувствовал, будто земной шар зажат у него в кулаке, и тряс его, как игральную кость. Почему игральные кости не бывают круглыми? Одна круглая игральная кость, номера на которой сменяются безостановочно и бесконечно, так что решение все время откладывается и игра никогда не кончается.

Джек проголодался. Вот, оказывается, в чем дело. Он встал с постели и пошел к буфету. Холодильника в квартире

не было.

Совсем нечего съесть.

«И вот они плывут бок о бок: спаситель-человек и спасенная самка-акула. Но стоило им заглянуть друг другу в глаза, и они едва не отпрянули, но выдержали взор...»

Джек внезапно почувствовал, что прямо сейчас умрет от голода, если чего-нибудь не съест. Он потряс банку из-под рисового печенья, но услышал только слабый шорох крошек. На одной из полок, в самом дальнем углу, гнил апельсин – его оранжевый бок покрывал толстый слой зеленой плесени. Но тут Джек заметил цепочку маленьких светло-коричневых муравьев, ползущую вдоль края полки. Педантично, одного за другим раздавив насекомых, он сглотнул накопившуюся под языком слюну и извлек из недр буфета половину булки с изюмом, которую положил туда на днях и о которой благополучно забыл.

Муравьи проели в булке тропинки и копошились между изюминами. Джек вытряхнул их и вернулся на кровать; там он повторно исследовал поверхность булки под светом электрической лампы. Нашел и выкинул еще двух муравьев.

Когда он впился в булку зубами, его рот наполнился горьковато-кислым вкусом. Но вкус сейчас не имел значения, и он принялся медленно-медленно вгрызаться в булку с одного края, точно пытался рассчитать запас так, чтобы его хватило на всю ночь. Внутри булка оказалась на удивление мягкой.

«И, плавая кругами, неотрывно глядя на другого, каждый думал: „Так, значит, есть на свете существо, в ком злобы еще больше, чем во мне“. И наконец, в порыве восхищения, оба разом рванулись навстречу друг другу; у акулы рули-плавники, у Мальдорора руки-весла...»

В дверь постучали.

Вообще-то, уже некоторое время в общем коридоре за стеной шла непонятная возня – оттуда доносились быстрые шаги и удары тел о стену. Но жильцы этого дома зачастую возвращались в позднее время, и Джек поначалу не обратил на шум никакого внимания. Но теперь он встал и, продолжая поедать булку с изюмом, подошел к двери. Открыв ее, он увидел на пороге мужчину и женщину, которые сразу ввалились в квартиру и рухнули на пол, словно потерявшая опору ширма. Стены комнаты задрожали, лампа у кровати упала.

Джек закрыл дверь и удивленно посмотрел вниз, туда, где лежали его полночные гости. Мужчина оказался Гоги – его гавайская рубашка задралась на спине, из-под нее виднелись рельефные накачанные мышцы.

– Снимите обувь хотя бы, – сказал Джек.

Не вставая с пола, эти двое разули друг друга, швырнули обувь к двери и теперь корчились на полу от смеха. Крохотная квартирка мгновенно наполнилась алкогольными парами. Джек внимательно разглядывал мертвенно-бледное лицо девушки – она перестала смеяться и закрыла глаза, на губах играла легкая улыбка. Он видел ее впервые, и она была

невероятно красивой.

Даже с закрытыми глазами она знала, что на нее смотрят. Она изрядно опьянела, но ее лицо не расплылось, не утратило правильной формы; воздух с громким шумом выходил из аккуратного, словно фарфорового, носика, который не становился от этого менее аккуратным. Мягкие пряди волос ниспадали на лоб. Под тонкой кожей век глаза продолжали свое тайное чувственное движение, веки с длинными ресницами плотно прижимались друг к другу. Губы имели изящную форму, а впадинки, которыми они заканчивались, выглядели настолько чисто и невинно, что казалось, будто их только вчера изваял гениальный скульптор. Но вместе с тем в этом лице сквозило то особое благородство, каким взрослые женщины обладают только в двадцать четыре или двадцать пять лет.

«Значит, это та самая „охрнительная красotka“? – думал Джек, не прекращая жевать булку с изюмом. – Наверное, Гоги искал ее целый день, а когда наконец нашел, притащил сюда, чтобы вернуть потерянное уважение».

– У меня нет матрасов, – сказал Джек. – Есть несколько подушек, если вам нужно.

Гоги не ответил, только смешливо сощурился. Похоже, он решил сегодня ночью не болтать понапрасну.

Джек по очереди подцепил ногой три подушки, пнул их в сторону Гоги и вернулся в постель. Подушки упали Гоги на спину. Джек лежал на животе, читал книгу и ел.

Скоро девушка запротестовала, сначала тихо, но потом все громче и громче, так что в результате Джек отложил книгу, приподнялся на локте и посмотрел на них. Гоги уже полностью разделся, его мускулы перекатывались под влажной блестящей кожей. Пытаясь отбиться от него, девушка, раздетая до лифчика и трусиков, пьяно возмущалась. Ее тело являло собою безупречно гладкую плоть цвета гардении.

Наконец девушка затихла. Джек отвернулся и продолжил чтение, не переставая поглощать булку с изюмом.

Однако естественные в такой ситуации учащенное дыхание и томные постанывания – там, за спиной, – все никак не начинались. Время шло, и Джеку все это порядком надоело. Он бросил быстрый взгляд через плечо и увидел, что девушка уже тоже обнажена. Плотно сцепившись, оба тихо пыхтели на манер паровоза, чье отправление внезапно отложили до лучших времен. Пот с мощной спины Гоги капал на *татами*⁸.

Но вот Гоги повернулся к Джеку. Сейчас он не выглядел таким уж уверенным в собственных силах и со слабой улыбкой произнес:

– Ничего не получается. Джек, выручай, дружище.

С булкой в зубах Джек поднялся с кровати.

На мгновение он задержал взгляд на подобном обмякшей

---

⁸ *Татами* – тростниковые маты, набитые рисовой соломой и обшитые по краям тканью, которыми в Японии традиционно застилают полы; сейчас для набивки татами используют также синтетическую вату.

мышце, безвольно повисшем признаке бессилия незадачливого приятеля. Неспешно, как ленивый судья, Джек переступил через их головы и зашел с другой стороны.

– Ну и? – сказал он. – Что мне делать?

– Подними ее ногу и держи. Крепко. Это должно работать.

Джек подцепил ногу девушки за щиколотку и потянул вверх, словно часть расчлененного промчавшимся поездом трупа. Он мельком взглянул туда, где заканчивалась гладкая белизна ноги – так путник вглядывается в темноту и вдруг замечает краем глаза огонек далекой хижины. Нога, хоть и не потная, выскользнула из пальцев, он развернулся и снова взял ее правой рукой. Теперь Джек стоял к ним спиной, глядя на стену перед собой, где висел календарь, изданный каким-то пивоваренным заводом. Задумчиво посасывая булку, которую держал в левой руке, он от нечего делать принялся читать календарь.

5 августа, вс.

6 августа, пн.

7 августа, вт. (День Быка)⁹

8 августа, ср. (Первый день осени по лунному календарю)

9 августа, чт.

10 августа, пт.

---

⁹ *День Быка* – день, связанный со знаком Бык в традиционном японском календаре китайского происхождения; таких дней обычно два. Самый известный День Быка выпадает как раз на самое жаркое время, с середины июля по начало августа, и каждый год это разные числа.

11 августа, сб.

12 августа, вс.

13 августа, пн.

14 августа, вт.

15 августа, ср. (Годовщина окончания Второй мировой войны)

16 августа, чт.

17 августа, пт.

18 августа, сб.

19 августа, вс.

Когда звуки, издаваемые Гоги и девушкой, стали громче и бодрее, словно они соревновались друг с другом, по ноге, которую Джек все так же держал на весу, прошла дрожь. Нога подергивалась и, как показалось Джеку, стала тяжелее. При этом девушка ни разу не попыталась высвободить щиколотку из его пальцев. Булка сохраняла горько-сладкий вкус, он жевал, крошки прилипали к губам.

Через какое-то время Джек больше не верил, что нечто, свисающее из его правой руки, – это женская нога. Он пристально вглядывался, стараясь в тусклом свете прикроватной лампы рассмотреть ступню. Красный лак на ногтях немного облупился, ноготь на мизинце наполовину врос в палец и приобрел от этого какую-то невразумительную форму. Мозоль от постоянного ношения туфель на каблуках шероховато скреблась о средний палец Джека.

Ему показалось, что Гоги встал, и в следующую секунду

сильная рука похлопала его по плечу.

– Уже все.

Джек отпустил ногу.

Гоги резво натянул брюки и, перекинув гавайскую рубашку через плечо, двинулся к двери.

– Ну спасибо. Я пошел. Ты уж с ней дальше сам разберись, ладно? – бросил он на ходу.

Джек услышал, как с характерным звуком захлопнулась дверь.

Глядя на распростертую на полу девушку, он запихнул в пересохший рот последний кусочек булки и долго пережевывал. Потом потрогал мыском ноги белую ляжку, но девушка не шелохнулась, лежала как мертвая. Джек уселся по-турецки между ее раскинутых ног. Убийственная бессмысленность происходящего затопила его целиком, нахлынув, точно вода из лопнувшей трубы. Гоги попросил его дальше разобраться. Вечно этот придурок выбирает какие-то дебилские слова.

Он наклонился, почти коснулся лицом плоти девушки. Чрезмерная вежливость. Девушка могла притворяться мертвой сколько угодно, однако ее живот поднимался и опускался в такт здоровому дыханию, пока будильник Джека отмерял время, издавая свой чудовищный, пошлый звук.

«И вот уже ноги его страстно обхватили скользкое акулье тело, прильнули к нему, точно пара пиявок, а руки сплелись с плавниками в любовной горячке; два тела, опутанных си-

не-зеленой морской травой, слились воедино...»

Меч

1

Герб семьи Кокубу – двулистная горечавка – отливал золотом на лакированном нагрудном щитке.

Лучи полуденного солнца проходили сквозь окно и ложились широкой полосой на пол и стены фехтовального зала¹⁰; капли пота, разлетаясь со стеганой синей тренировочной куртки Кокубу Дзиро, вспыхивали на солнце.

В боковом разрезе складок его *хакама*¹¹ мелькнула янтарного цвета голень; упругая, напоенная жизненной энергией, она наводила на мысль о молодом теле, танцующем под многослойной одеждой и защитным панцирем.

Движение рождалось именно там, внутри этой темно-синей неподвижности.

Чтобы заметить юношу, достаточно было переступить порог зала. В кольце безмолвного покоя он двигался подобно

---

¹⁰ Речь о додзё, зале для занятий кэндо, современном японском фехтовании на бамбуковых мечах.

¹¹ *Хакама* – традиционные японские широкие штаны в складку, длиной до лодыжек, похожие на юбку или шаровары; мужские хакама крепятся на бедрах, женские – на талии. Складки символизируют добродетели будо, боковые разрезы предназначались для ношения короткого и длинного мечей.

молнии.

Сколько свободы и красоты заключалось в каждой его позе! И каким бы стремительным ни был переход из одной неподвижности в другую, в эпицентре этого движения юноша неизменно пребывал в абсолютном покое.

Как тетива лука, выпустившая стрелу, он всегда возвращался в исходное положение напряженного спокойствия.

Левая нога следовала за правой подобно тени и тем точнее вторила ей, чем громче обрушивалась на пол правая, и вот уже рождался ритм сродни звуку, с которым бьется о берег белопенный прибой.

Разумеется, никто не удивился, когда Кокубу Дзиро выбрали одним из пяти лучших фехтовальщиков, которые представляли Восточную Японию в одиночных соревнованиях между восточными и западными префектурами. Для университетской сборной большая честь иметь такого капитана.

Мибу, студент первого курса, сделал шаг вперед, приготовившись к тренировочному поединку с капитаном. Прямо перед собой он видел вспотевшее лицо Дзиро за железными прутьями маски. Капитан устремил на противника спокойный, бесстрастный взгляд, который на языке фехтовальщиков называют «глаза Каннон» – взгляд богини милосердия.

Для начала Мибу размялся, сделал несколько разогревающих выпадов. Бамбуковый меч с устрашающей скоростью крутился у него над головой.

– Шлем! Шлем! Шлем!

Собственный крик и свистящее пение меча вводили его в мрачное исступление.

– Шлем! Шлем! Шлем!

Казалось, крик рвался через ноздри. Кровь прилиwała к горлу.

Разминка закончилась. Они стояли друг напротив друга с мечами наперевес.

«В последнее время у него неплохо получается», – подумал Дзиро. Тем не менее даже самые стремительные выпады Мибу выглядели для него медленными и тягучими, будто замедленная съемка. Последовательность этих движений раскладывалась на отдельные неторопливые жесты. Как ныряльщик, отталкиваясь от песчаного дна, поднимает клубы песка, так и Мибу поднимал вокруг себя невидимый песок, который оседал бесшумно и медленно.

Каждая капля пота, стекавшая на глаза Дзиро, была отражением его свободы, полной непоколебимости его спокойствия. Каждое движение противника он видел во всех деталях, и все медленнее казалась ему их череда.

Глубокий вдох, резкий выдох, постоянное движение – все это не помогало Мибу. На стыках панциря – маска, рукавицы, нагрудник – то и дело открывались щели, столь явные, будто он нарочно повесил там таблички с обозначениями.

Это были отверстия, пустоты, где время замедлялось и тянулось, подобно долгому тягучему зевку. Одно такое отвер-

ствие возникло у Мибу на темени, другое появилось возле рукавицы на вытянутой правой руке. Меч Дзиро без труда нашел бы путь внутрь каждого из этих отверстий.

Шаги Мибу стали беспорядочными. Сквозь решетку маски были видны побелевшие уголки рта. Скрещиваясь с мечом Дзиро, меч Мибу дрожал – это указывало на то, что у него трясутся руки.

Мибу чувствовал, что силы его на пределе. «Но это еще не все, – думал он. – Должно быть еще что-то. Широкое пустое пространство, наполненное ярким белым светом».

– Эй, ты чего? Не зевай! – откуда-то издалека донесся до него предупреждающий крик Дзиро.

Мибу чувствовал, что Дзиро высится над ним, как темно-синий утес, бороться с которым ему не хватает ни мастерства, ни сил. Это удушающее, не отступающее ни на секунду чувство истощило его. Он задыхался, пот тек ручьями, в бок болело... Что же дальше?

– Ладно, следующий! – произнес наконец Дзиро. В его голосе не слышалось ни капли усталости.

Пока Мибу отдыхал, он пропустил поединок с вице-капитаном Муратой и следующий бой вел против Кагавы.

Приветственный взмах мечей. Шаг вперед и поклон. Мечи коснулись друг друга, противники приняли нужную стойку.

Тренировка была в самом разгаре, зал наполнился трес-

ком бамбуковых мечей, пронзительными вскриками и топотом. Видавший виды, но все еще упругий пол содрогался от ударов, наносимых ему четыремя десятками фехтовальщиков. Лучи майского солнца протянулись через зал тремя широкими – шириной в окно – полосами с танцующими золотыми пылинками внутри.

Капли пота падали на пол. Внутри синей стеганой формы было жарко и душно. Воздух в зале словно закипал от скопившейся в его стенах силы, находиться там стало почти невыносимо.

Мибу все еще не пришел в себя после схватки с капитаном, сердце его колотилось. В начале тренировки запас сил представлялся ему бесконечным, как сельская дорога, убегающая под полуденным солнцем в бескрайнюю даль, куда-то за горизонт. Но в конце поединка с Дзиро солнце внезапно закатилось, поселив в Мибу неприятное чувство, что дорога может в любой момент окончиться обрывом и неминуемым падением с него.

К тому же его противник – Кагава.

Кагава был хорошим фехтовальщиком, хотя в его манере сквозила самонадеянность, и зачастую он полагался на одну только силу. Его не выбрали даже в вице-капитаны, и по веской причине: в том, как он фехтовал – не важно, на тренировке или на соревнованиях, – угадывалась излишняя чувственность, и к тому же он слишком много думал. Ему не хватало чистой целеустремленности, которой обладал Дзи-

ро.

– Р-разминка! – нетерпеливо рявкнул Кагава.

Мибу начал разминаться. Разминка, казалось, длилась уже вечность, но Кагава и не думал останавливаться. Он внимательно изучал молодое, перекошенное от напряжения лицо, скрытое решеткой маски. Глаза Мибу были широко распахнуты, щеки пылали – ни дать ни взять беснующийся заключенный за решеткой тюремной камеры.

«Он уверен, что Кокубу лучший фехтовальщик в мире», – подумал Кагава. Когда ему казалось, что уважение, которое кто-то испытывает к нему, есть лишь отраженный свет уважения к кому-то другому, это всегда его задевало, и он неосознанно убеждал себя в фальшивости, неискренности этого чувства. Его уверенность возрастала тем сильнее, чем очевидней выражал свою враждебность противник. Наконец он скомандовал прекратить разминку и с удовлетворением отметил, что Мибу дышит прерывисто, тяжело.

Теперь они отрабатывали атаку:

– Рукавица! Шлем!

Мибу целился в соперника, наносил удары короткими сериями, направляя их то в одну, то в другую точку, отступал по мере необходимости, снова приближался и не останавливался ни на секунду.

Но Кагава ни за что не позволял ему прикоснуться к себе – он не собирался поддаваться лишь для того, чтобы приободрить противника.

Напоенный отчаянной силой меч Мибу взлетел, но его удар был вновь отражен. Кагава обходил соперника по кругу, металлическая решетка маски поблескивала в мягких послеполуденных лучах. Он перемещался – и маска то отливала на свету красным, то тускло блестела, если солнце оказывалось за его спиной. Мибу обрушивал свой меч туда, где должен был стоять Кагава, – только затем, чтобы убедиться, что Кагавы там уже нет.

Возгласы Мибу все слабели, он устал от тщетной погони за противником.

Очередной удар был отражен, меч завис в воздухе, а в следующее мгновение, лишенный цели, которой жаждал со столь яростным упорством, вновь рассек пустоту. Чтобы восстановить равновесие и вызволить увязающее в пустоте оружие, требовалось немало сил.

Завалившись вперед, Мибу едва удержался от падения и дернулся назад, похожий на темно-синего ворона.

– Матч до трех очков! – крикнул Кагава, видя, что Мибу устал.

И в этот миг его чувственная броня дала трещину, в ней открылась невидимая, но осязаемая щель. На полсекунды он забылся в сладкой фантазии, изнывая от наслаждения, вперил взор в слабеющую жертву. От упоения собственной силой вспыхнула в нем щемящая радость.

Это была животная радость, жадная, прожорливая, которую чувствуешь, лишь находясь лицом к лицу с противни-

ком, всегда – не распробовав толком на вкус, всегда – второпях. Не связанная ни с воспоминаниями, ни с надеждой, эта опасная, безрассудная радость, вызванная тем, что происходит «здесь и сейчас», сродни чувству, какое возникает, когда отпускаешь руль, но продолжаешь крутить педали велосипеда.

Краем глаза Кагава уловил мелькнувшую тень.

И сразу осознал, что дело плохо.

– Шлем! – Мибу звучно припечатал ступню к полу и с неистовой силой обрушил бамбуковый меч на маску Кагавы.

– Твоя взяла. Матч до двух, – лениво протянул Кагава.

Кокубу Дзиро покинул ту часть зала, где занимались старшие фехтовальщики, и теперь стоял перед тренером Киноути – с ним ему предстояло сразиться в поединке. За глаза фехтовальщики называли тренера «тэноути», что в их словаре означало «хватка», поскольку во время тренировки он то и дело покрикивал: «Хватка! Исправь хватку! Что у тебя с хваткой?» И так далее и тому подобное.

Киноути в свои пятьдесят лет был самым уважаемым из прежних членов университетского фехтовального клуба. Когда-то у него была собственная фирма, но потом он передал управление ею младшему брату, исполнительному директору, и вернулся в университет, чтобы всецело посвятить себя клубу.

Едва Дзиро сделал первый шаг вперед, Киноути почув-

ствовал в ученике холодную решимость. Дзиро двигался к нему по прямой линии, подол его *хакама* то слегка поднимался, то опадал, вторя движению ног, которые скользили, почти не отрываясь от пола.

Киноути любил и уважал юность, бросающую ему вызов. Юность атаковала почтительно, но яростно. Зрелость с улыбкой на губах принимала вызов без колебаний, не сомневаясь в собственных силах. Почтение без ярости у молодых людей – удручающий симптом, это гораздо хуже, чем ярость без почтения.

Юность идет, чтобы нанести удар. И она нанесет удар, но лишь для того, чтобы покориться зрелости. На них одинаковая форма, маски и панцири, они одинаково потеют... Для Киноути время, проведенное в фехтовальном зале, было «моментом истинной красоты», остановившимся навсегда мгновением. Это мгновение наполнялось сиянием черных нагрудников, разлетающимися лиловыми шнурами шлемов, обильным потом. В нем, в этом мгновении, все оставалось таким же, как тридцать лет назад, когда Киноути сам учился в этом университете.

И вот, поделив на двоих одну цель, зрелость и юность – первая спрятав под маской седину, вторая – разругавшиеся щеки, – сходились лицом к лицу, так аллегорически недвусмысленно, как если бы вся жизнь с ее сумбуром и неразберихой свелась к простоте шахматной доски. Но если отбросить всю шелуху, лишь это и останется: извечное про-

тивостояние – с мечами наперевес в свете закатного солнца – юности и зрелости.

Разминка завершилась. Дзиро стоял, направив меч прямо в глаза пожилому сопернику. Он ждал приглашения к схватке.

У Киноути была невыразительная манера фехтования. Кончик его меча не приближался к противнику, всегда держась как бы на расстоянии. Однако мягкий и легкий как перышко, этот меч был постоянно готов к движению – и это самое опасное. Вглядываясь в Киноути, Дзиро видел воплощенное совершенство. Монолит. Но это неприступное совершенство не походило на закрытую стальную дверь, а скорее напоминало пустую японскую комнату с раздвинутыми перегородками, где нет ничего, кроме татами на полу и белых стен.

Казалось, что Киноути не нуждается в точке опоры, – он плыл, парил в воздухе. Дзиро пронзительно вскрикнул и двинулся вправо.

Киноути был подобен прозрачному конусу, одинаковому со всех сторон, откуда ни подступишься. Здесь его не пробьешь. Дзиро сдвинулся еще правее, затем резко развернулся влево. Но и здесь глухо. Собственная предсказуемость была для Дзиро унижительна, его охватил стыд.

По ту сторону его отчаяния Киноути нежился, как огромный, дремотный лилово-черный кот.

Дзиро больше не пытался отыскать слабую точку. Нельзя

проявлять нетерпение: если что-то и мешает ему добраться до противника, то это нетерпеливость. Безупречность Киноути – иллюзия, искусное фокусничество. Ничто в мире не может быть столь совершенным.

Дзиро чувствовал, как постепенно покрывается тонкой ледяной коркой. Она грозила сковать плечи, добраться до локтей, ввергнуть его в неподвижность. Если он и дальше будет бездействовать, станет только хуже. Он должен разбить лед, взорвать его со всей силой своего молодого тела.

Описав изящную дугу, взлетели в воздух лиловые шнуры шлема. Он собрался с силами и двинулся – вперед, дальше, дальше. Внезапно прыгнул, вскрикнув, будто голубь, выпорхнувший на свободу из ненавистной клетки.

Блеснула молния, перечеркнув прекрасный порыв. Что-то отбросило меч Дзиро вверх и резко опустилось вниз – он ощутил, как раскаленным клеймом лег на него тяжелый меч Киноути.

Дзиро стал капитаном клуба этой весной. Его назначение предопределил естественный ход событий, и внутренне Дзиро знал об этом уже давно.

Собственное мастерство было для него само собой разумеющимся. Однажды оно превратилось в невидимую глазу нательную сорочку, которая обволакивала его, чуть ли не срастаясь с кожей, и временами он забывал, что носит ее на себе.

«Я сделаю все, что в моих силах, – сказал он в день назначения капитаном. – Отдам себя целиком, душой и телом. Вы выбрали меня, и вы не ошиблись. Те, кто последует за мной, я уверен, тоже не ошибутся. Если можете, идите за мной. Если не можете – поступайте, как вам заблагорассудится».

Когда Дзиро в присутствии предшественников-капитанов произносил речь перед членами клуба – их было сорок, – он принял решение.

Он много лет знал, какие именно слова скажет в подобных обстоятельствах. Именно их он и сказал. Давнее предчувствие воплотилось в жизнь. Годами он носил эти слова в себе, и теперь они вырвались наружу, расправили крылья и полетели.

Он чувствовал, что вместе со словами его наконец покинуло то рвущееся, мальчишеское, что жило в нем до тех пор:

мятежность, стихийная ненависть к себе, презрение. Душевная мягкость, незрелая впечатлительность – все это бесследно исчезло. Остался стыд, но смятенная робость ушла без остатка.

Итак, все чувства, порожденные принципом «я хочу», нужно искоренить, освободив место для чувств, порожденных принципом «я должен».

Так он решил. Он посвятит фехтованию всю свою жизнь, каждый миг повседневного бодрствования. Меч – заостренный кристалл, квинтэссенция незапятнанной, чистейшей силы – вот совершенная форма, которую принимают дух и материя, сливаясь в один ослепительный луч.

Все остальное – жалкая бессмыслица, не более того.

Быть сильным и праведным – еще ребенком Дзиро поставил перед собой эти две задачи.

Как-то в детстве он попытался, не моргая, взглянуть на солнце. Но еще до того, как он понял, справился с этим или нет, там, наверху, что-то произошло: пылающий красный шар, который только что неподвижно висел на небе, вдруг закрутился на месте, затем поблек и превратился в холодный иссиня-черный железный диск. Дзиро почувствовал, что постиг истинную сущность солнца.

Какое-то время после этого, куда бы он ни смотрел, повсюду ему чудился тусклый солнечный круг, его остаточный образ: в траве, в тени деревьев, в любой точке неба.

Правда, как и солнце, ослепительна настолько, что на нее невозможно смотреть. Но, однажды постигнув истину, человек вдруг начинает замечать повсюду ускользающие блики – ее остаточный образ.

Итак, Дзиро был облечен силой и облачился в одежды праведности. Он решил, что в мире нет больше никого, кто думал бы так же, как он. Это была свежая, прекрасная мысль.

Списывание, нарушение школьных правил, легкомысленность – особенно в том, что касалось денег, взятых взаймы у приятелей, – все это отличительные признаки мальчишества и юности. Но у него был единственный выбор: либо оставаться сильным и правым, либо убить себя. Когда один из его одноклассников покончил с собой, Дзиро мысленно одобрил этот поступок, хотя и сожалел, что его совершил человек, слабый духом и разумом. Строго говоря, это и не было поступком в том смысле, который имел в виду Дзиро, представляя себе мужественную красивую смерть.

По слухам, юноша наглотался снотворного. Его нашли в постели, белого, как простыни, на которых он лежал. В постели также лежала кожа мушмулы, которую он ел перед смертью, и пять или шесть крупных глянцевых семечек. Наверное, когда таблетки начали действовать, он ел мушмулу одну за другой, пытаясь подручными средствами заглушить нарастающий страх окончательной утраты сознания.

Кожура и семечки мушмулы. Животный аппетит в умирающем теле! Дзиро должен был оградить себя от этого. К

тому времени он уже занимался кэндо.

Меч двигался сам по себе, по своей воле. Это действительно так, когда все хорошо. Даже если он не целился, меч безошибочно попадал в едва приоткрывшуюся, шириной с волос, щель в обороне противника, нанося сокрушительный удар.

Но как это? Что же это такое? Некий мгновенный отток энергии – и туда, в эту пустую точку, притягивало, непреодолимо влекло, как падающие с горного склона воды, его собственную силу. Его сила должна быть свободной, прозрачной, иначе она не сможет беспрепятственно добраться до притягивающей ее точки.

Он испытывал это не раз, но, чтобы достичь такого результата, требовалось непрестанно заниматься, бесконечно изнурять себя тяжелыми тренировками.

В автобусе по дороге в университет, едва завидев пожилую женщину или мать с ребенком, Дзиро вставал и уступал им место. Некоторые садились, поблагодарив за внимание, и потом благодарили еще раз, на выходе из автобуса. Но это бойскаутское поведение не доставляло ему никакого удовольствия. И, откровенно говоря, то, что оно не доставляет ему удовольствия, было даже приятно.

Ему хватало того, что поступки, которые он считал правильными, определяли для него некие границы, внутри которых все чисто и упорядоченно. Он ничего не смыслил в по-

литике и не интересовался общественным устройством, изымая из этих областей лишь те крупницы знаний, которые мог использовать в своих целях. К обыденной болтовне однокурсников он прислушивался с молчаливой улыбкой. Книг не читал вовсе.

Кокубу Дзиро родился в удивительное время, когда такие, казалось бы, простые человеческие качества, как посвящение себя единственной цели, умение устоять перед повседневными соблазнами, скромность и простота надежд и желаний, – все это стало редкостью и считалось странным.

В один из дней поздней весны, узнав, что лекцию по административному праву отменили, Дзиро, повинувшись какому-то внутреннему зову, отправился в фехтовальный зал. До тренировки оставалось еще немало времени, единственным напоминанием о людях был едва заметный, но стойкий запах пота, плывущий по пустому залу.

Он переделся в форму и, ступая по сияющему, без единого пятнышка полу, вышел на середину зала. Ему казалось, что он идет по поверхности какого-то священного водоема. Он топнул ногой. Пол отозвался. Выхватив бамбуковый меч, Дзиро выполнил серию тренировочных ударов, считая вслух:

– Один, два, три, четыре...

Так он дошел трехсот.

Стоял роскошный день. Чтобы утереть пот, Дзиро про-

мокнул лицо полотенцем – позабытое кем-то, оно сохло на поручне с прошлой тренировки.

Как был, в темно-синей форме и с мечом, он вышел на улицу и взобрался на холм, который возвышался прямо за залом, в северной части университетской территории. Внизу, между раскиданными тут и там островками деревьев, никого не было видно. Он опустил меч на траву и лег рядом, откинувшись на спину и вытянув ноги под широкими *хакама*. Дзиро не искал одиночества, не стремился к нему, но было в этом чувстве – особенно после тренировки, когда еще не высохший пот исчезал со скоростью морского отлива, – какое-то очарование, благодаря которому он осознавал полноту своей силы как никогда отчетливо.

С другой стороны холма, под крутым склоном, раскинулся заводской район. Из труб валил густой дым, частично закрывая современные офисные здания в отдалении.

Он ничего не ждал. Но, глядя в прозрачное небо с единственным ленивым, всклокоченным облаком, прислушиваясь к гулу промышленной зоны, на фоне которого иногда резко вскрикивали автомобильные клаксоны, предчувствовал приближение какого-то события. Он не знал еще, что именно произойдет, но предполагал, что ему отведена в грядущей истории некая героическая роль, хочет он того или нет. Фехтовальщики древности сказали бы, что он чувствует кровь.

Ружейный выстрел разорвал тишину, царапнув слух.

В ветвях послышался всплеск, крона зашумела, листья качнулись, и на землю рядом с ним упало что-то похожее на пухлый белый ридикуль. Он присмотрелся внимательнее и понял, что это голубь.

Птица билась на траве, из раненого крыла текла кровь, пачкая оперение. Дзиро осторожно взял голубя в руки и, осмотрев, заметил на поддрагивающей лапке металлическое кольцо – это был голубь из университетской голубятни. Грудь птицы поднималась и опускалась, маленькая круглая голова беззвучно дергалась. Дзиро чувствовал ладонью трепет хрупкого тельца.

Он встал, решив отнести птицу в голубятню. Солнечный свет падал на него сквозь ветви деревьев. В одной руке Дзиро держал меч, в другой – голубя, прикрывая темно-синим рукавом его нежную красоту.

Зашелестела трава, и он увидел приближающихся пятерых или шестерых подростков. Эти непрошеные гости часто пробирались на территорию университета через дыру в заборе, что у дальнего подножия холма.

Вся компания была в джинсах, один держал на изготовку духовое ружье. Продравшись сквозь низкорослые заросли, они стали полукругом перед Дзиро и, недобро прищурились, уставились на него.

– Это моя птица, отдай, – сказал парень с ружьем.

– Это университетский голубь, – ответил Дзиро. – А ты, как я понимаю, его подстрелил.

– Да. Я подстрелил, и теперь он мой. Отдавай голубя.

Щека у парня дергалась, грубоватый голос звучал не то нетерпеливо, не то подобострастно.

– Что значит «отдавай»? Это ты его должен вернуть. Нет?

– Чего?! – Парень направил ружье на Дзиро. – Я кому сказал, отдай! Не думай, что если ты студент, так тебе все можно!

– Давай стреляй. Стреляй в него, ну! – как-то вяло зашумели остальные подростки, сбившись в кучу.

Хотя они вели себя как малолетние хулиганы, Дзиро не чувствовал ни враждебности, ни ненависти с их стороны. Единственное, что определенно сквозило в этих подростках, всего на пару-тройку лет моложе его, – резкий, примитивный дух мальчишества. От поднявшейся из глубины его существа животной ярости у Дзиро потемнело в глазах. Но меч в его руке не шелохнулся.

– Ну, раз вы так просите... – Парень поднял дуло, целясь прямо в грудь Дзиро, и положил палец на спусковой крючок.

Тут меч взметнулся вперед и вверх, неожиданно преодолев большое расстояние, и резко ударил парня по запястью. Ружье упало на траву, а когда парень наклонился, чтобы его поднять, Дзиро воспользовался случаем, бесшумно очутился рядом и наступил на ствол, крепко прижав его к земле.

Парень отшатнулся. Его приятели, натыкаясь друг на друга, обратились в паническое бегство. Дзиро двинулся вперед, без напряжения, плавно скользя, как если бы на его пути не

было никаких препятствий.

Осыпая его ругательствами, подростки спустились по склону холма и разбежались в разные стороны. Дзиро поднял ружье и швырнул им вслед. Кто-то из подростков заорал: – Придурок! Испугался, а оно и незаряженное даже! – и, подхватив ружье, поспешил к дыре в заборе.

Дзиро смотрел, как они один за другим пролезали в дыру и, убегая по безлюдной улице в сторону заводского района, пропадали из виду.

Он вдруг заметил, что голова голубя, крепко зажатого в левой руке, безжизненно повисла. Спohватившись, он разжал пальцы. С неожиданной силой птица рванулась, оттолкнувшись от плотной ткани рукава когтями, и отчаянно взмахнула крыльями. Из раненого крыла брызнула кровь, попав Дзиро на щеку.

Но голубю не удалось подняться выше его лба. Мгновение Дзиро ошеломленно глядел на застывшую у него перед глазами гигантскую птицу, полностью застывшую обзор, а затем голубя словно скрутило какой-то неведомой силой, масляным отливом сверкнуло на солнце, пробивающемся сквозь листву, его окровавленное оперение...

Он упал обратно в левую руку Дзиро. Подавленная животная ярость вспыхнула с новой силой. В прошлый раз Дзиро заставил ее принять благородную форму и удостоился благородной победы, но сейчас она брала свое, засасывая его в темные пучины. Прижав меч левым локтем, пальцами пра-

вой руки он обхватил тонкое голубиное горло.

Тут со стороны дорожки, огибающей спортивный зал, слышался скрип колес.

Очнувшись и с ужасом осознав свое преступное намерение, Дзиро обернулся на звук. Кто-то мог догадаться о том, что он собирался сделать; эта мысль мучила его. Щеки у него горели.

Старик-привратник толкал тележку с мусором к свалке на холме. Чтобы не потерять остатки самоуважения, Дзиро двинулся навстречу старику.

– Я все видел. Ты молодец! – сказал тот. Он был невысок, одет в рабочий комбинезон. – Я вообще перестал понимать нынешнюю молодежь, они меня пугают. Я спрятался за деревьями и все видел. Сразу после того, как услышал выстрел. Ой, да у тебя кровь течет по щеке! Дай-ка я вытру.

Дзиро не взял с собой полотенце, а старик никак не мог найти в кармане носовой платок. К ужасу Дзиро, он начал копать в тележке, набитой разноцветным несвежим мясом из прелой грязной бумаги и старых газет.

– Не стоит беспокоиться. – Дзиро уже хотел вытереть лицо рукавом, как вдруг старик повелительно сказал:

– Стой! – и извлек из тележки белую увядшую лилию. – Это очень дорогой цветок. Такие выращивают в оранжереях. Он стоял в вазе в комнате ректора. Ты не найдешь ничего чище этого лепестка. Давай-ка я вытру тебе щеку.

Он выложил несколько лепестков, уже начавших желтеть

по краям, на широкую ладонь и, прижав посильнее к щеке Дзиро, вытер ими кровь. Дзиро уловил легкий сладковатый запах лилии.

– Вот, посмотри, даже следа не осталось!

Старик показал ему цветок. Белые, до сих пор сохранившие тусклый блеск лепестки впитали кровь. Нежные прожилки стали похожи на вены.

– Благодарю вас, – сказал Дзиро.

Голубь слабо трепыхнулся в его руке. Старик покатил тележку дальше, а Дзиро направился к университетской голубятне.

Сам того не заметив, он миновал хитро расставленные ловушки поэзии: окровавленный голубь, пробивающие сквозь листву лучи солнца, кровь, обогрившая ланиту победителя, темная синева боевого костюма и белая увядшая лилия – все это встретилось на его пути, но не причинило ему никакого вреда.

Тренер Киноути всегда радушно принимал у себя любого из своих подопечных. Его супруга тоже встречала их ласково, как родных. У супругов Киноути были дети, две дочери, но они уже вышли замуж и покинули родительский дом.

Когда Кагава без предупреждения постучался вечером в его дверь, Киноути, который одинаково ровно относился ко всем членам клуба, встретил его приветливо и пригласил зайти.

Тренер был довольно крупным мужчиной, немного склонным к полноте. Ничто в его спокойной и мягкой наружности не намекало на скрытую силу, которая на самом деле была в нем заключена.

– Я договорился о подработке, – сказал он, подливая Кававе пива в стакан. На каникулах их клуб всем составом отправляли на работу в большой торговый центр – помогать запаковывать продукты для подарочных наборов. – Начальство относится к нам хорошо, так что обстановка на рабочем месте будет здоровая.

– Но сама-то работа скучная, – ответил Кагава.

– Скучная, – легко согласился Киноути. – Ну и что? Чем скучнее, тем лучше. Если работа заставляет мозг думать не в том направлении, в ней нет ничего хорошего. Это может помешать и учебе, и тренировкам.

– Кокубу с удовольствием возьмется за любую работу, я уверен.

– Конечно. Он всегда берется за все с удовольствием. В этом его основное достоинство.

– Да, идеальный лидер.

– Кагава, что тебе не нравится?

Ненадолго воцарилась тишина.

Кагаве было непросто объяснить тренеру ту психологическую проблему, из-за которой он пришел сегодня. Человеку постороннему она могла показаться слишком незначительной.

Это произошло прошлым вечером, когда они после тренировки мылись в бане¹². Первокурсник, в обязанности которого входило прислуживать старшим фехтовальщикам, как раз собирался намыливать спину Дзиро. Привычная рутина. Однако именно в этот момент Дзиро посмотрел в сторону Кагавы и заметил, что тот сидит один, никто не помогает ему мыть спину. Скорее всего, правильно воспитанный студент решил сначала помочь капитану, а потом уже заняться Кагавой.

---

¹² Речь о сэто, или фурубе, – японской общественной бане; она состоит из раздевалки, помещения, где посетители моются, и помещения с большим общим бассейном с горячей водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.